

Калман Латабар.

Недавно в Советском Союзе гастролировал Будапештский театр оперетты. Спектакли венгерских артистов были исключительно тепло встречены советскими зрителями.

Мы попросили главного режиссёра будапештской оперетты Дьердя Секей и журналиста Йозефа Короди, сопровождавшего труппу, поделиться с читателями Крокодила своими впечатлениями о пребывании в нашей стране.

Мы публикуем их путевые заметки и дружеские шаржи на артистов и режиссёра театра, выполненные художником Н. Лисогорским.

Дьердь СЕКЕЙ

Без переводчика

Дьердь Секей.

Камиль Фелеки.

Ещё полгода назад в Будапеште начали ходить слухи о том, что венгерская оперетта уезжает на гастроли в Москву. Мы относились к этим слухам, как дети к сказке: и верили и не верили.

Разумеется, не всё в нашей подготовке к поездке проходило гладко. Узнав, что многие артисты начали изучать русский язык, я как-то спросил у одной артистки об её успехах в учёбе. Вздыхнув, она мне ответила: «Беда в том, что когда служи усиливаются, я за день выучиваю десять слов, а когда ослабеваю, я от волнения и последние забываю!».

Наступил день отъезда. Уже в поезде начали поступать заявки на билеты. Например, проводник спального вагона подсчитал, что через две недели он сможет посмотреть наш спектакль в Москве. Действительно, через две недели он аплодировал нам в седьмом ряду, а в антракте пообещал, что на обратном пути будет ещё лучше готовить нам чай, чем до сих пор.

В Москве с первых же дней мы начали пользоваться выученными словами. Не обходилось, конечно, и без недоразумений. Как-то после очень вкусного обеда один из наших музыкантов горючо поблагодарил официанта, но вместо «Спасибо!» сказал «До свидания!». Озадаченный официант спросил, понравился ли ему обед, на что музыкант весело ответил: «Извините, пожалуйста!».

В театре нас тоже ожидали сюрпризы. Пожалуй, самым трогательным был случай, когда на второй день гастролей наши технические работники за час до начала спектакля отправились ставить декорации к первому действию «Сильвы». У входа их встретили и повели в зрительный зал. Внезапно погас свет, и раздвинулся занавес... Декорация уже стояла! Этот сюрприз нам, оказывается, приготовили наши московские друзья.

В таких случаях слова и переводчики излишни: одно дружеское рукопожатие заменяет тысячи слов.

И всё-таки без переводчика подчас приходилось нелегко. В гостинице с одним нашим музыкантом произошёл такой, например, случай. Утром он дал постирать рубашку к смокингу, а вечером пошёл её получить. Но на этот раз он не смог объяснить, что ему нужно. Забыл слово «рубашка». После безуспешной жестикуляции он побежал в номер, облачился в смокинг, на голой шее завязал галстук и поспешил обратно. В этом нелепом одеянии предстал он перед изумлённой коридорной, которая, впрочем, быстро поняла, что ему нужно...

«В Москве холодно, — предупреждали нас дома. — Зима началась тридцатиградусными морозами...» Что же будет? Мы решили поосновательнее одеться. Шубы, меховые шапки, сапоги, шали, одеяла, тёплые наушники, джемперы — всем этим до отказа набивались наши чемоданы...

А на другой день после нашего приезда началась оттепель, и я уже хотел срочно телефонировать домой, чтобы мне самолётом выслали что-нибудь полегче...

В этом сезоне мы встречали два Новых года. Московский Новый год мы встретили в полночь, а будапештский — в два часа ночи. Мы думали о том, что если этот Новый год начался для нас два раза, то, возможно, в этом году мы всё будем получать вдвойне. И эта фантастическая мечта вдруг начала сбываться. Одна гастрольная поездка превратилась в две: из Москвы мы выехали на гастроли в Ленинград.

Конечно, этому слуху мы тоже не сразу поверили. А когда убедились в том, что это правда, решили: с этого дня всегда будем мечтать о прекрасном, чтобы в будущем наша жизнь тоже всегда была прекрасной.

Йозеф КОРОДИ

Из московского дневника

Московские зрители говорят, что артисты будапештской оперетты подарили им много весёлых вечеров. Это не удивительно: ведь мы жили среди жизнерадостных друзей, в атмосфере новогоднего веселья и чувствовали себя, как дома.

Калмана Латабара, например, в Москве узнавали повсюду, где бы он ни появлялся, точно так же, как и в Будапеште. Однажды вечером в Московском цирке он роздал столько автографов, что в конце концов умоляюще обратился ко мне:

— Прости тебя, окажи мне одну любезность!

— Пожалуйста.

— Отнеси домой мою правую руку. Она так устала от автографов...

Москва гораздо больше, чем мы себе раньше представляли, но заблудиться в ней — поистине сложное дело. Ведь каждый москвич с такой готовностью показывал нам нужное направление, что мы могли попасть в гостиницу даже не одним, а четырьмя — пятью путями.

Что же касается языка, то наши артисты подчас разгова-

ривали с москвичами очень любопытным образом. Роберт Ратони, всем известный исполнитель роли Бони в «Сильве», хотел попасть домой, на Комсомольскую площадь. Он обратился к милиционеру и произнёс только три слова: «Будапешт, оперетта, Бони». У милиционера озорно засверкали глаза, и он начал насвистывать мелодию из «Сильвы», но тут же, спохватившись, указал Роберту кратчайший путь до гостиницы.

Были среди нас и такие, кто не любил спрашивать, надеясь на свою самостоятельность. Они считали, что если могут прочесть на фасадах станций метро большую букву «М», то они уж и московские старожилы. Анна Зентай (Олеся в «Трембите») поразила всех нас, когда сама, без переводчика, показала советскому человеку, повидимому, приезжему, где находится станция метро.

Дьердь Сиртеш, директор театральной мастерской, тоже очень быстро почувствовал себя самостоятельным. Товарищи, которые ехали с ним в метро, пропустили станцию, где они должны были выйти.

— Не беда, — бодро сказал Сиртеш, — проедем на одну станцию дальше, а потом вернёмся. Что такое одна станция?!

Можете себе представить, что из этого получилось. На переходах, поворотах, возвращениях мы потеряли целый час.

— Не беда! — весело говорил Сиртеш. — Заблудиться — это ведь тоже переживание!

На первых пугах нас удивляло, что в Москве и зимой едят мороженое. И без того холодно! Это ведь то же самое, о чём говорит венгерская пословица: «Лить воду в Дунай»!.. Ну, а теперь у нас в хоре многие придерживаются того мнения, что мороженое вообще не вредит на морозе, даже наоборот, охлаждая горло, предупреждает простуду...

Мы заметили, что в Москве первым этажом называют этаж, который у нас ещё совсем не этаж. У нас в Будапеште первый этаж — это московский второй или даже третий, так как у нас существуют различной высоты полуэтажи. Однажды Камиль Фелеки (в «Сильве» — старший официант) спросил кого-то в лифте гостиницы:

— На каком мы сейчас этаже?

— На первом.

— А я хочу спуститься этажом ниже.

В общем, Камиль чуть было не оказался в подвале гостиницы.

Однажды молодой артист Ласло Шакани (старейший герцог в «Сильве») буквально засыпал прохожего вопросами на «своём собственном» русском языке. Москвич не понял ни одного слова. Я подошёл в тот момент, когда они уже объяснялись жестами. И так как я немного понимаю по-русски (не правда ли, товарищ редактор?), москвич обратился ко мне с вопросом:

— Скажите, какой национальности этот товарищ?

— Венгр.

— Интересно! Хотя венгерский язык и похож на русский, а я всё-таки не понял, что он говорил...

Да, мы не всегда понимали слова, но зато мы понимали душу друг друга. И память о Москве, это самое лучшее, мы привезём домой, в Будапешт. И бережно сохраним в наших сердцах.